

НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ:

«Главное – воспитать

волевою верующую элиту»

О феномене по имени Илья Глазунов, настоящим искусстве, коммунистических стройках и любви к России, связях с итальянским кинематографом и Православием.

Шесть лет прошло с тех пор, как не стало Ильи Глазунова. Это интервью было записано в последние годы жизни художника. Мы публикуем его ещё раз.

Не счесть наград, званий и должностей у Ильи Глазунова, но российский художник не останавливается на достигнутом, он активно участвует в общественной и политической жизни страны. Продолжает писать, преподавать, жить полной жизнью.

Справка: Илья Сергеевич Глазунов (10 июня 1930, Ленинград — 9 июля 2017, Москва) — выдающийся советский, российский художник-живописец, сценограф, педагог, Народный художник СССР (1980), Основатель и ректор Российской академии живописи, ваяния и зодчества, Академик РАХ (2001), Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1997). Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством».

— Сегодня все видят достопочтенного седовласого старца. А в глубине души какой человек Илья Сергеевич Глазунов?

— Когда-то Пётр Аркадьевич Столыпин написал: «Родина требует служения себе настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде затемняет разум и омрачает душу». Времена тогда были довольно страшные — жгли иконы, уничтожали русские города, но он написал, что главное в нас — это тихое жертвенное служение. Мне эта позиция Столыпина всегда казалась достойной. В остальном, главное — как вы воспринимаете меня. За меня говорят мои дела, мои картины. А я о себе ничего не могу сказать, кроме того, что звать меня Илья, я — дворянин, родившийся в Санкт-Петербурге. Что я — православный, и безумно люблю Россию.

Дороже России для меня нет ничего, и её возрождение — помимо воспитания студентов и написания картин — есть одна из главных моих задач. Кроме того, я сейчас заканчиваю книгу, очень для меня важную. Вторую книгу. Первая называлась «Россия распятая», она была больше биографической, а в этой речь идет о родине. О том, какой Россия была до принятия христианства. Иногда мне кажется, я живу уже тысячу лет, при этом я чувствую себя моложе многих моих студентов, потому что для меня главное — свободно служить выбранной идее возрождения Великой Руси Русской Православной Церкви, сыном которой я являюсь.

Фото: <https://inosmi.ru/20170713/239790547.html>

Стать художником

— Давайте от судеб Родины вернемся к вам. К вашему детству. В «России распятой» вы написали, что вы поступили в художественную школу при Академии художеств с не слишком хорошими рисунками, поэтому вас взяли не во второй класс, а лишь в первый. А у вас никогда не было искушения переписать свою биографию, чтобы предстать замечательным и сразу талантливым? И не рассказывать, что когда-то знаменитый художник мог рисовать плохо? Ведь никто не проверит.

— Знаете, мне незачем было врать. Книга «Россия распятая» — моя исповедь и гражданина, и художника. И действительно я поступил в эту школу далеко не лучшим. Поступил в сентябре 1944 года, когда я вернулся один из Москвы. Я ощущал одиночество: отец и мать, большинство моих близких погибли в блокаду. Так что я вернулся в мой город, в самый прекрасный на земле Санкт-Петербург, но для меня он был пустынным. В такой жизненной ситуации я поступил в художественную школу при Академии, бывшей Императорской.

Моя мать мечтала, чтобы я был художником. Она-то и водила меня до войны в эту школу, где детям преподавали замечательные художники...

«Лучше на нары в Сибирь, чем на виллу в Майами»

— Вам не давали работать в родном городе, ваши выставки закрывали в Москве. Между тем иностранцы заказывали вам свои портреты, картины. У вас никогда не было искушения уехать навсегда? Ведь многие уезжают, а позже вы могли себе позволить и много путешествовали.

— Вы говорите, я путешествовал, а я в жизни никогда не путешествовал и не путешествую. Я много ездил. Впервые — после моей первой выставки, состоявшейся в Центральном доме работника искусства, — меня послали на IV Международный конкурс молодых художников в Праге. Там выставился Константин Козловский, Юрий Жаров и я — единственный студент, получивший в итоге гран-при за портрет Юлиуса Фучика. Потом, после этой выставки я был изгнан из Петербурга, жил на 4 метрах в Москве: мне дали друзья кладовку в коммунальной квартире, где замечательный испанский скульптор Альберто Санчес хранил глину.

Там мы и обосновались с моей женой Ниночкой Виноградовой-Бенуа, принадлежавшей к великому роду, подарившему России огромное количество талантливых архитекторов и художников. Так мы жили, потому что все кругом были против меня. Моими картинами я ударил ножом в спину соцреализма — так они говорили. Мною были оформлены «Бесы», «Идиот» — как говорил Достоевский, роман о герое с неудавшейся миссией «спасителя», воплощающего начала добра и смирения в канун великой катастрофы России.

В 1961-м году был Московский кинофестиваль (его возобновили после перерыва с 1935-го года), и приехало много иностранных звезд. А в Италии к этому моменту вышла книжка искусствоведа Паоло Риччи «Илья Глазунов», так что прибывшие на фестиваль Лукино Висконти, Джузеппе Ди Сантис, Фредерико Феллини, Джульетта Мазина и, как тогда считали, самая красивая женщина мира Джина Лоллобриджида, знали обо мне.

И вот в последний день они пришли ко мне (я тогда снимал маленькую

комнату) и говорят: «У нас - два часа, сделайте нам четыре портрета».

Я сделал, как смог. Всю ярость их внутреннего накала выложил за эти два часа. Чёрным жирным углем, пастелью, а Лоллобриджида — она окончила Римскую академию — говорит: «А я хочу портрет маслом. Мы все хотим».

Я воспринял это как шутку, какие портреты маслом! И говорю ей: «Есть два пути, вы остаётесь в Москве, а второй — я поеду в Рим». Они ответили: «Гранда идея!», после чего два года заваливали меня и министерство письменными требованиями. И я первый раз в жизни по приглашению поехал в Италию. Так в Риме состоялась моя первая выставка на Западе. Я нарисовал 20 картин, все их вернул. Конечно, сделал портрет и ей, и всем остальным.

— Так у вас и родственники были за границей, такие как Питер Устинов, вы же могли не возвращаться.

**Фрагмент полотна «Мистерия XX века». (А.Солженицын, М.Тэтчер, Л.Брежнев, Ю. Андропов, М.Горбачев, Р.Горбачева, М.Монро, Б.Ельцин).
Автор: И.С.Глазунов.**

Источник: <https://kulturologia.ru/blogs/130617/34905/>

— Нет, Питер Устинов был холодный человек. У меня другие были возможности. После Италии, в 1964 году, состоялась моя первая персональная выставка в Манеже, в служебном помещении. Через пять дней она закрылась, потому что вышла статья, подписанная полностью всем партбюро Московского союза художников, что мои картины — сомнительная духовная пища. Это была такая форма политического доноса. Выставку закрыли, и начались новые гонения. Но даже в то время я много думал и понял — лучше на нары в Сибирь, чем на виллу в Майами.

И я действительно мог остаться где-то, меня приглашал король Швеции, король Лаоса, президент Италии. Я бывал в Нью-Йорке, в Париже. В Японии меня оставляла известная бизнес-леди Накамура-сан. В каждой стране мне предлагали выбрать жизнь на свободе. Но было одно обстоятельство: дома меня ждала преданная жена, нерушимая стена, моя Ниночка. А Нину не выпускали, потому что её дядя Николай Александрович Бенуа был

главным художником Ла-Скала и Королевской оперы в Риме.

С Ниной меня не выпускали до поездки к Индире Ганди. Когда она меня пригласила написать её портрет, в министерстве культуры СССР ей сначала отказали. Сказали, что поедет друг Микояна, потому что я — не армянин. Тогда Ганди отказалась от художника, и у них началась паника. Мне звонят: «Скорей приходите в министерство культуры, вы должны ехать в Индию». Я отвечаю: «Так уже послали вместо меня. Фурцева ваша и послала» (ужасная была женщина, а про неё почему-то кино снимают. Про неё очень хорошо сказал Ливанов-старший. Кто-то его спросил: «Выбоитесь министра

культуры? — а он ответил: «Нет, я боюсь культуры министра»).

Раз вызвали, я пришёл и слышу: «Вы должны ехать в Индию». Я говорю: «А почему вдруг?» «Вы что ли газет не читаете?» «Нет, не читаю». «Готовится исторический визит Леонида Ильича Брежнева в Индию, и он может сорваться». Тут я понял, в чём дело, и говорю: «Я поеду только с моей женой, это очень ответственно, Индира Ганди — не только премьер-министр, но и властная женщина, там особый этикет». Так я приехал в Индию.

А ещё послали как-то во Вьетнам, где, как они говорили, наступил новый виток эскалации и насилия. То есть послали под бомбежки. Тогда в Союзе художников работал один мой друг (не буду называть его имени, я и сейчас с ним дружу), и он пошутил: давайте пошлём Глазунова, он очень энергично работает, а убьют — не жалко, он не член Союза. Так я оказался во Вьетнаме с журналистом Сергеем Высоцким. Прибыли ночью, нас положили спать в какой-то домик — блиндаж. И началась страшная бомбёжка.

Я мечтал писать залив, рассвет, оранжевые джонки, а кругом все взрывается. Заснули, когда утихло. Он утром меня выдергивает из сна: Илья, смотри, мы с тобой живы. Это было чудо, там природа очень странная, кругом песок, как трясина, и бомбу — диаметром метров пять — засосало в этот песок. Её потом как огромную сигару вьетнамцы вытягивали. Если бы она упала на любой камешек, от нас и этого убежища и следа не осталось бы, и мы бы с вами не сидели, не говорили сейчас.

Видите, как я отвечаю на ваш вопрос, что я не путешествовал, а ездил только, куда меня посылали. Я нигде не оставался подолгу. Знаете, почему? Потому что я чувствовал, что умру от страшной и мучительной болезни, которая называется ностальгия. Она ранее уже лишила работы моего

«Вечная Россия», И.Глазунов, 1988 г.

любимого, гениального композитора Рахманинова. Он ничего не мог делать вдали от России. А сегодня создаётся такое ощущение, что многие готовы уехать туда, где жратва, простите, лучше, и где платят больше. Но для меня Россия — святая православная Русь — это наша мать. И нельзя её покидать, когда она больна.

— А когда вы поняли, что вы — православный? Вы же не с детства это осознали. Ведь тогда не только ходить в церковь, говорить о Боге было запрещено.

— Что вы, ходить! Конечно, запрещено. Интуитивно осознавал всегда.

Вера — это таинство, но я всегда чувствовал, что Бог есть. Я помню, как после объявления войны, родители решили отвезти меня на дачу под Вырицу — если будут бомбежки Ленинграда — отсидимся там. Если будут...

Когда летели на бомбежку немецкие самолеты, мы прятались в приготовленное бомбоубежище. Однажды мы просидели там несколько часов, а они все бомбили станцию. И тогда мама мне сказала: «Я тебе раньше не говорила этого, но помни, что ты крещён, и ты — православный». А когда за мной пришёл дядя Миша, чтобы отвезти на Большую землю по Дороге жизни, мама сказала достать из шкафа маленькую коробочку. Там была медная позолоченная икона Матери Божией, о которую ударилась пуля турецкого солдата. Если бы не она, пуля пробила бы грудь моего деда. Мама дала мне её как благословение, и эта иконка всегда, по сей день, со мной.

Сейчас многих называют подсвечниками: люди ходят в церковь, ставят свечки, но они — неверующие. Не могу сказать, что я хожу каждый день в церковь, я грешен. Оправдываю себя только тем, что я всегда считал, что Бог есть.

«...беру всю ответственность на себя»

— Илья Сергеевич, я знаю о вашей страсти к кино...

— Если мы говорим о документальном кино, я бы сейчас молился на того человека, который проехал бы от истоков Волги до устья, чтобы снять фильм, опираясь на старые сказания. Чтобы он узнал, как уничтожались деревни, почему торчит шпиль залитой водой колокольни Калязина — как совершилась эта, одна из многих вражеских диверсий. Чтобы показал, какая в действительности была «выгода» от всех этих мнимых социалистических строек.

Я был там, на «великой стройке коммунизма», когда я учился на втором или третьем курсе института имени Репина. Поехал в Ставрополь один с этюдником и холстами. Я очень любил Левитана, поэтому отправился на Волгу. Оставил вещи в общей комнате дома колхозника — денег не было на гостиницу, и на встречу с моей любимой Волгой, на паром. Разговорился с шофёром самосвала, стал просить подвезти меня до стройки. Машина пыльная, слой пыли с палец толщиной: «Ну, давай, сынок, подвезу, тут недалеко». Я подсел, мы проехали с километр, не больше. И я вижу в облаке пыли огромную толпу народа, и она движется прямо на нас. Кругом собаки лают, как я это видел в фильмах, где показывали немецкие лагеря.

— А что это?

— Как что, строители коммунизма, — говорит мне шофёр.

— Все заключенные что ли?

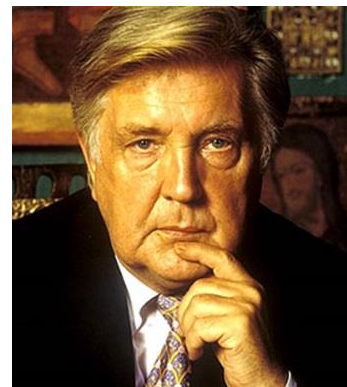
— Конечно, а ты сынок чего думаешь, я тоже заключенный, только я на воле работаю, вожу туда-сюда. У меня срок кончается, вот они и знают, что я не убегу. И бежать некуда. Тебя куда подвезти? Ты к родственникам приехал?

— Нет, я художник. Рисовать приехал.

Он иронически посмотрел на меня:

— Кого рисовать-то? Нас, заключенных? Валяй, если не боишься.

Доехали. Я увидел внизу пустынную огромную площадь — котлован, машины и высокий экскаватор, чтобы башни строить, лозунги, выложенные из белого камня: «Миру — мир!», а на другом холме «Слава великому Сталину!». И, я запомнил, какой-то узбек молился на восток. Я осмотрелся,

Илья Глазунов.

<https://russland.mirtesen.ru/blog/43881379050/K-KONCHINE-I.S.-GLAZUNOVA>

сделал какую-то зарисовочку и уехал на ту сторону, в Ставрополь.

Ночью меня кто-то за плечо трясет, кричит: «А ну, вставай, это ты был на стройке?». «Я». «Ты кто такой?». «Студент».

Я никогда не забуду той ночи. Привезли в какой-то дом. Здоровый мужик в форме КГБ, в синей фуражке сидит за столом и спрашивает меня, зачем приехал, кто послал, с какой целью. Я отвечаю: «Академия художеств. С целью написать великие коммунистические стройки».

— Да ты знаешь, тут чешская социалистическая делегация приезжала, мы, значит, вышки демонтировали, всех в бараки заперли. Оставили трёх вольнонаемных. Гости удивились: стройка большая, а так мало людей работает. Мы объяснили, мол, у нас такие ударные стахановцы работают. Понял, к чему говорю?

— Не совсем.

— А к тому, если нарисуешь вышку и всякую хреновину, у нас свои меры есть, как с тобой поступить — сам будешь строить вместе с заключенными. Ну что, перебздел, парнишка?

— Нисколько.

— И заключенных не боишься? Тебя там порежут.

— А за что меня резать?

— Ну так, бери карандаш, пиши.

И я написал:

— Я, Глазунов Илья, беру всю ответственность на себя...

Он почитал:

— Ладно, парень, ты мне понравился. Рисуй. Но хоть одну вышку нарисуешь — хана тебе.

Утром я вернулся на стройку, сел рисовать. Пароход нарисовал — на корме сидят разные люди, оборванцы какие-то. И вдруг на мой рисуночек ложится тень двойная. И голос сверху:

— Ты первый раз тут?

Я посмотрел, хороший профиль, но видно, что парень из уголовной, а не из политической области:

— Первый.

— Ты художник от слова худо?

— Да нет, могу кое-что нарисовать.

— Можешь нам помочь?

Я кивнул:

— Что надо сделать?

— Письмо кинешь на волю?

Я снова кивнул: кину.

— А еще нарисуй нам бабу голую, меч и змея. Я хочу тут, на руке, татуировку сделать.

Я вспомнил картину Сандро Боттичелли «Примавера» — «Весна». Змею нарисовал. Он посмотрел: «Молоток. Слушай, если кто тебя тронет, ты нам

Илья Глазунов и Патриарх Алексий II. Илья Глазунов был одним из главных сторонников восстановления храма Христа Спасителя.

Фото: <http://academy.glazunov.ru/khudozhnik-i-mir/khronologiya/2000-2009>

«Разгром храма в Пасхальную ночь», И.Глазунов 1999 г.

скажи, мы посмотрим, какого цвета у него кровь на кишках». Так и ходил рисовать котлован, людей.

Там, в домике, я увидел моего старшего товарища, Сережу Ласточкина, а с ним был парторг Московского Союза художников Евгений Ильин. Он был в командировке и всё волновался: «Не ходи на зону, тебя там пришьют». Они-то рисовали молодежь, колхоз, счастливых комсомольцев.

Как-то раз он выпил и рассказал интересную вещь: «Стою я, простой парнишка деревенский, на часах — охранял двор Самарского губернского комитета партии. И должен был приехать Троцкий: он тогда Волгу объезжал на бронепоезде. Увидели его и как закричат: „Лев Давыдыч, Лев Давыдыч, как мы рады! А мы вас ждём, не начинаем!“. Он говорит: „Ну, выводите“. И вот я смотрю, выводят из подвала профессора, купца, двух гимназистов, трёх священников — человек 20 выгнали. И тут „Лев Давыдыч“ вытаскивает маузер и — бух-бух-бух — человек 10 положил. Потом говорит: „Остальных вы расстреляйте“. Протянул мне пистолет: бери, говорит маузер и закончи дело. И никого не жалея, иначе социалистической революции не будет».

— Правда ли, что ваша внутренняя установка, которой вы живете — не жалеть растрачивать себя?

— У меня нет никаких установок. Но я могу сказать совершенно точно: я ни дня не отдыхал... Я ни одного дня, ни одной минуты не отдыхаю, считая, что я мало сделал из того, что мог сделать. Но меня ободрил отец Илия, которого я очень ценю. Он сказал: «Как вам не стыдно так говорить, вы сделали больше многих других».

Моя последняя работа «Раскулачивание» — 8 метров на 4. Ведь до сих пор никто не воспел русского крестьянина, которого положили под нож сталинской коллективизации, и во всех своих картинах я хотел выразить мою любовь к России и заразить своим пониманием добра и зла в формах, неотрывных от Божиего мира. Когда я пишу человека, я никогда не забываю, что он — образ и подобие Божие. И когда я пишу портреты иностранцев, я горжусь, что впервые пригласили русского художника, которому важно в первую очередь почувствовать внутреннюю музыку человека и выразить это на холсте. И я за то, чтобы русская школа великого европейского реализма, наша Академия несла хоругвь святости русского искусства. И я горжусь, что моя галерея — самая посещаемая. А на так называемое современное искусство, где иконой является Чёрный квадрат Малевича, ходит очень мало народу: это никому не интересно.

Искусство должно быть понятно, дорого, и тогда оно демократично. А если оно непонятно, не надо говорить, что русское быдло в нём не разбирается. Мы все отличаем искусство от неискусства.

Беседовала Мария Свешникова. Печатается в сокращении.

Источник: <https://www.pravmir.ru/ilya-glazunov-glavnoe-vospitat-volevuyu-veruyushhuyu-elitu/>

Ещё больше интересных статей см. на сайте: <https://небесный-дом.рф>

И. Глазунов - с президентом России В. Путиным в Музее сословий России, 2.06.2015 года

Астропетро: Kremlin.ru, CC BY 4.0, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=40713299>